

ШАРОН КРИЧ

Голоса океана

Брось вызов океану
и испытай себя, загляни
в глаза самым потаённым
страхам!

Шарон Крич
Голоса океана

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крич Ш.

Голоса океана / Ш. Крич — «Эксмо», 2000

ISBN 978-5-04-100344-9

Повесть «Голоса океана» была удостоена серебряной медали Джона Ньюбери (США) и вошла в шорт-лист медали Карнеги (Великобритания)! Тринадцатилетняя Софи и её двоюродный брат Коди пересекают Атлантический океан на «Страннике», паруснике, который везёт их в Англию, в гости к дедушке. Ребятам предстоит долгий водный путь через Коннектикут, Новую Шотландию и Ирландию, во время которого им нужно будет учиться договариваться друг с другом ради выживания в разбушевавшейся стихии. И кто бы мог подумать, что на пути в далёкую Англию они раскроют семейный секрет...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100344-9

© Крич Ш., 2000
© Эксмо, 2000

Содержание

Подготовка	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Первое плавание	14
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	25
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	29
Глава 14	32
Остров	34
Глава 15	34
Глава 16	37
Глава 17	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Шарон Крич

Голоса океана

Посвящается моей дочери Карин, которая пересекла океан и вдохновила меня на эту историю. От мамы, которая беспокоилась, пока тебя не было.

*Быль пропеть я о себе могу, поведать
о скитаньях, о пути многодневном...*

«Мореход»

(автор неизвестен)

The Wanderer

© Sharon Creech, 2000

This edition is published by arrangement with Writers
House LLC and Synopsis Literary Agency

© Захаров А., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

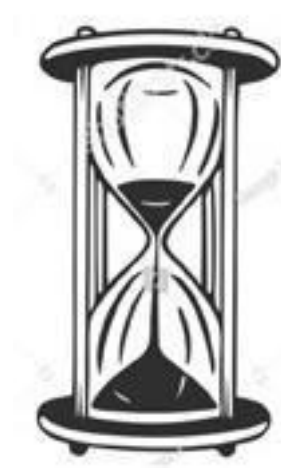

Прошлой ночью, когда мы плыли под звёздами вдоль береговой линии Коннектикута, я подумала, что моё сердце выскочит из груди прямо на небо. Над головой всё было бархатным и сине-чёрным, усыпанным жемчужинками-звёздами, и небо сливалось с мерцающим чёрным океаном. Запах моря, чувство ветра на лице и руках, хлопанье парусов – о, это было волшебство!

Мы действительно в пути!

Спасибо Джоанне Котлер и Джастину Чанде за то, что помогли мне раскрыть тайну и добраться до «конца всех наших путешествий».

Подготовка

Глава 1 Море

Море, море, море. Оно накатывалось, накатывалось и звало меня. «Входи, – говорило оно, – входи».

И я входила – плавала, кружилась, плескалась, и потом море говорило: «Выходи, выходи», – и я заходила дальше, но оно всегда выбрасывало меня обратно на берег.

И море всё равно звало: «Выходи, выходи», – и я выходила на вёсельных лодках, и шлюпках, и моторных лодках, а научившись ходить под парусом, я летала над водой, сопровождаемая лишь звуками ветра, и воды, и птиц, и все они говорили мне: «Плыви дальше».

И я хотела плыть дальше и дальше, через море, наедине с водой, и ветром, и птицами, но кто-то сказал мне, что я слишком маленькая, а море – опасная обольстительница, и ночью мне стал сниться ужасный сон. Стена воды, высокая, чёрная, подобралась ко мне сзади, нависла надо мной, а потом рухнула вниз, вниз, но я всегда просыпалась до того, как вода накрывала меня, и мне всегда казалось, будто я плыву.

Глава 2

Три грани

Я не всегда такая мечтательная и слушаю, как меня зовёт море. Отец называет меня Трёхгранной Софи: одна грань мечтательная и романтическая, другая – логичная и приземлённая, а третья – упрямая и импульсивная. Он говорит, что я живу либо в стране снов, либо в земной стране, либо в ослиной стране, и если я когда-нибудь соединю все их три вместе, я буду готова, хотя, конечно, мне интересно, где же я тогда окажусь. Если я не в стране снов, не в земной стране и не в ослиной стране, где же я окажусь?

Отец говорит, что моя логичная грань больше всего похожа на него самого, а мечтательная – на маму, но мне кажется, что это не совсем справедливо. Папа любит считать себя логичным человеком, но именно он любит разглядывать фотографии экзотических стран и говорить что-нибудь вроде «Надо поехать на сафари!» или «Надо отправиться в полёт на воздушном шаре!».

И, хотя моя мама – ткачиха, она прядёт шёлковую ткань и носит струящиеся платья, именно она даёт мне учебники ходьбы под парусом, заставляет учиться технике безопасности на воде и предсказанию погоды и говорит что-то вроде «Да, Софи, я научила тебя ходить под парусом, но это не значит, что мне нравится, что ты будешь в воде одна. Я хочу, чтобы ты осталась дома. Здесь. Со мной. В безопасности».

Отец говорит, что не знает, в кого уродилась моя упрямая ослиная сторона. По его словам, ослов в семье не водилось.

Мне тринадцать лет, и я собираюсь переплыть океан. Я, конечно, предпочла бы плыть одна – одна! одна! летать над водой! – но на самом деле я буду не одна. Моя ослиная грань выпросила место на сорокапятифутовом паруснике с пёстрой командой – тремя дядями и двумя двоюродными братьями. Дяди – Стю, Мо и Док – это мамины братья, и она сказала им: «Если с моей Софи хоть что-то случится, я всех вас подвешу за большие пальцы на ногах».

Она не беспокоится (хотя, может быть, должна) из-за влияния моего кузена Брайана – тихого, прилежного, серьёзного Брайана, – но волнуется, что я наберусь вредных привычек от другого моего двоюродного брата, Коди. Коди громкий, импульсивный и очаровательный – из-за чего мама ему не доверяет. «Он слишком очаровательный, – говорит она, – даже опасно очаровательный».

Мама – не единственная, кто не очень рада тому, что я пускаюсь в это путешествие. Дяди Стю и Мо попытались сделать всё, чтобы отговорить меня. «Там будут только парни вроде нас, мы будем заниматься всякими вещами, которые делают парни, и девочке на корабле будет не очень приятно», и «Может, ты лучше останешься дома, Софи, – тут можно каждый день принимать душ?», и «Придётся очень много и трудно работать», и так далее и так далее. Но я твёрдо решила отправиться в плавание, и в ход пошла моя ослиная сторона – я обрушила на их головы целый вихрь парусных и метеорологических терминов, пересказала им всё, чему научилась из книг о ходьбе под парусом, а также, на всякий случай, кое-что из того, что выдумала сама.

Дядя Док – я его называю «добрый дядя», потому что он единственный, кто не видит ничего плохого в том, что я тоже отправлюсь в плавание, – сказал: «Чёрт, да она знает о судах больше, чем Брайан и Коди, вместе взятые», и после этого они сдались.

Были и ещё две причины, по которым мама не привязала меня к кровати и не оставила дома. Первая – дядя Док перечислил ей большой список мер безопасности, принятых на паруснике, включая спутниковый навигатор – Глобальную систему позиционирования. Вторая причина не настолько логична, но почему-то утешала маму: на другой стороне океана нас ждёт

Бомпи. Мы попадём в объятия Бомпи, и мама даже жалела, что не сможет к нам присоединиться.

Бомпи – это мой дедушка, мамин папа, а также дядюшек Дока, Стю и Мо, и он много лет жил с моими родителями. Он для меня словно третий родитель, и я люблю его, потому что мы очень похожи. Он тоже трёхгранный человек, и он знает, о чём я думаю, даже когда я об этом не говорю. Он очень добрый, разговорчивый и любит рассказывать истории.

В семьдесят два года Бомпи решил уехать домой. Я думала, что он и так дома, но он под «домом» имел в виду место, где родился, – «высокие зелёные холмы Англии».

Отец был неправ, считая, что ослов в семье не водилось. Когда Бомпи решил вернуться в Англию, остановить его не мог уже никто. Он принял твёрдое решение – и всё, отправился в путь.

Пока-пока, Бомпи.

Глава 3

Медленное время

Мы надеемся поднять паруса в первую неделю июня, после того как закончится учебный год. Эти последние недели плетутся, словно хромые, каждый час проходит с большой неохотой. У себя в голове, впрочем, я бросаюсь к этому последнему дню, представляя себе каждую минуту. Я сказала родителям, что бегом прибегу домой после школы, схвачу рюкзак, попрошу кого-нибудь подвезти меня до автовокзала, встречу с дядями и двоюродными братьями в Коннектикуте, и мы тут же отправимся в плавание.

– Не так быстро, Софи, – сказал папа. – Когда придёт время, мы с мамой отвезём тебя туда. Одна в автобусе ты не поедешь.

Увы. В маленьком городке, где мы живём, приключения есть у всех, кроме меня. Мы раньше жили на побережье Виргинии, свернувшись вдоль линии океана, но в прошлом году родители придумали Замечательный План – переехать в глубинку, потому что мама скучала по горам Кентукки, где выросла. Так что мы перебрались в этот сонный городок, где из водоёмов есть только река Огайо, такая же сонная, как и сам город. Местные жители, конечно, обожают реку, но я не знаю почему. В ней нет ни волн, ни приливов. Там не живут ни медузы, ни крабы. Её даже разглядеть всю довольно трудно – только маленький кусочек, до следующей излучины.

Но для моих одноклассников эта река – словно рай, и они устраивают себе приключения и на ней, и рядом с ней. Они ловят в реке рыбу, плавают, сплавливаются на плотках. Я тоже хочу делать всё это, но в море, далеко от берега, в широком-широком океане.

Когда я рассказала друзьям, что собираюсь переплыть океан, один из них сказал:

– Но здесь хорошо, и река каждый день течёт мимо.

Другой сказал:

– Но ты же только что сюда приехала. Мы о тебе ничего не знаем. Ни где ты жила раньше, ничего...

Я не хотела лезть во всё это. Я хотела начать с нуля. Это было единственным плюсом переезда. Я словно начинала новую жизнь.

Ещё кто-то сказал:

– Зачем тебе вообще жить на лодке, словно в заключении?

– В заключении? – переспросила я. – В заключении? Я буду свободна, как маленькая сойка в небе!

И я рассказала им о том, как меня зовут волны, и о широком море, и об открытом небе, а когда закончила, они стали дружно зевать и сказали: «Ну, хорошо», и «Ты там можешь погибнуть», и «Если ты не вернёшься, можно я заберу твою красную куртку?» Я поняла, что они скорее всего никогда не поймут моего приключения, и мне придётся уехать, так и не объяснив им, почему хочу уехать.

Мама дала мне дневник, в котором я сейчас пишу. Она сказала:

– Начни сейчас. Записывай всё. Вообще всё. А когда ты вернёшься, мы его прочитаем и словно сами побываем вместе с тобой.

Моим учителям, впрочем, это не очень понравилось.

– Софи! Убери эту книгу о ходьбе под парусом и достань учебник математики!

– Софи! Учебный год ещё не кончился! Займись делом! Доставай домашнее задание по английскому языку!

Вчера позвонил дядя Док и сказал, что мы отправимся в плавание не сразу после того, как я приеду. Сперва предстоит работа, «много, много работы!».

Я не возражаю против работы, потому что мне нравится лазать по лодкам, но я хочу выйти в океан так сильно, что чувствую его вкус и запахи.

Глава 4

Большой малыш

В конце концов в Коннектикут меня повёз один папа. Мама сказала, что не сможет гарантировать, что будет вести себя как взрослая. Она боялась, что «растечётся лужицей желе», схватится за меня и не отпустит. Я всё говорила ей, что это просто небольшое плавание через океан, ничего особенного. Мы даже обратно поплывём не на паруснике, потому что дядя Док оставит его другу в Англии.

Мне кажется, что мама представляет себе всякие ужасы, которые будут твориться в океане, но вслух об этом не говорит. Я же не хочу представлять себе никаких ужасов.

– Иногда, – сказал папа, – бывают вещи, которые ты просто должен сделать. Наверное, для Софи это как раз что-то вроде того.

Его слова меня удивили. Мне действительно казалось, что я должна это сделать, но я не могла объяснить почему, и я удивилась и обрадовалась, что папа всё понял даже без моих объяснений.

– Хорошо, хорошо! – сказала мама. – Поезжай! И только попробуй не вернуться целой и невредимой!

Две долгие недели мои дядюшки, кузены и я просидели в маленьком домике дяди Дока. Я начинаю думать, что мы вообще не переживём пребывания на земле, не говоря уж о морском путешествии. Мы раньше перебьём друг друга.

Парусник стоял на суше и в первый день, признаюсь, выглядел довольно жалко. Казалось, что он не готов выйти для плавания даже в луже. Но у него было замечательное имя: «Странник». Я представляю, как странствую по морю на этом паруснике, странствую и странствую.

Корабль принадлежит дяде Доку, и он называет его своим «малышом». Мне он кажется невероятно огромным, намного, намного больше любой лодки, на которой я когда-либо бывала. Он длиной сорок пять футов¹ (довольно-таки большой «малыш»), бело-голубого цвета, с двумя мачтами одинаковой высоты и аккуратными реями, на которые крепились паруса.

В трюме располагались спальные места на шестерых (четыре на носу, два на корме), камбуз с холодильником, раковиной и печкой, стол (две постели одновременно служат для него скамейками), галюн, навигационное оборудование, а также всякие закутки и шкафчики.

Дядя Док вообще-то работает плотником; в первый день он провёл нас по «Страннику» и показал, что именно нуждается в починке.

– Малышу требуется немного внимания, – сказал он. – Надо поработать над рулём, ага, и над килем тоже, ага. И над днищем надо поработать, ага. И проводку заново проложить, ага. Да и вообще надо всё подновить, ага.

Ага, ага, ага.

Мой кузен Брайан старательно записывал всё в блокнот.

– Ну хорошо! – сказал Брайан после того, как мы обошли парусник. – Вот список. Наверное, надо ещё составить список необходимого оборудования...

Его отец, дядя Стю, перебил:

– Вот это мой сын, настоящий организатор!

На самом деле дядю Стю зовут Стюарт, но все зовут его Стю, потому что он беспокоится и волнуется² из-за каждой мелочи. Он высокий и худой, а на голове у него копна чёрных волос. Брайан, сын дяди Стю, похож на его уменьшенную ксерокопию. Они оба ходят неук-

---

¹ Около 14 м. – Здесь и далее примеч. пер.

² Stew по-английски значит также «волноваться».

люже, подёргиваясь, словно марионетки, и очень большое значение придают организованности.

Пока Брайан составлял список, другой мой двоюродный брат, Коди, начал играть со штурвалом.

– Рано пока! – сказал дядя Стю. – Мы ещё не организованы!

Брайан добавил:

– Мы составим все списки, а потом разделим работы.

– Вот это мой сын, – сказал дядя Стю, – сразу берётся за дело!

Ага.

Почти все дни стоит жара, градусов тридцать пять, и у всех свои идеи по поводу того, что и как надо чинить. Дядя Мо проводит немало времени, развалившись в кресле и смотря на нас, и временами выкрикивает: «Не сюда – начни с другой стороны!» или «Болван тупоголовый! С кисточками разве так обращаются?» По большей части он обращается к своему сыну Коди, у которого избирательная глухота. Коди отлично слышит всех остальных, но вот собственного отца – почти никогда.

Дядя Мо немного толстоват и часто ходит без рубашки, чтобы загореть. Его сын Коди (тот самый, который, по мнению мамы, «опасно очарователен»), однако, стройный и мускулистый, всегда что-то напевает или поет и широко улыбается, показывая белые зубы. Девушки, которые проходят мимо верфи по пути на пляж, останавливаются и смотрят на него, надеясь привлечь внимание.

А дядя Док беззаботен и спокоен. Его, похоже, не волнует вообще ничего – ни вся та работа, которую предстоит выполнить, ни казусы, которые периодически случаются, например, когда Брайан перевернул банку с политуры, или когда Коди пробил дырку в палубе, или когда дядя Стю запутал снасти. Дядя Док просто пожимает плечами и говорит: «Мы все починим, ага».

На второй день, когда дядя Стю и Брайан раздали большинство заданий остальным, я спросила:

– А я? Что мне сделать?

– Ты? – сказал дядя Стю. – О. Да. Ну, наверное, можешь заняться уборкой – протереть там кое-что.

– Я хочу что-нибудь починить.

Дядя Стю засмеялся фальшивым смехом:

– Ха, ха, ха. И что же ты можешь починить, Софи? Ха, ха, ха.

– Я хочу заняться трюмом...

– О? – сказал он и улыбнулся остальным, словно это какая-то известная только им шутка. – И как же ты собираешься это делать?

И я рассказала ему, как можно всё переделать и какое оборудование мне понадобится, и чем дольше я говорила, тем мрачнее становился дядя Стю и тем шире ухмылялся дядя Док.

– Видишь? – сказал дядя Док. – Она кое-что знает о судах. Пусть займётся трюмом.

Брайан, державший блокнот, резко поднял свою кукольную руку вверх и спросил:

– А кто тогда будет убираться? У меня никто не записан на уборку...

– Мы все, – сказал дядя Док.

– Я не буду, – ответил дядя Мо. – Из меня уборщик плохой. Кого хочешь спроси.

Итак, мы (все мы, кроме дяди Мо, который лежал в своём кресле и загорал) проводили жаркие, потные дни, работая над «Странником» на верфи. Мы починили руль и киль, переделали трюм, проложили новую проводку, прибрались и вычистили всё.

Этим утром «Странник» сошёл со стапелей. Док, Брайан и я были на борту, когда парусник подняли краном и опустили на воду. Чувство было таким странным – он опускался вниз, вниз, вниз. Мне казалось, что он вообще не перестанет опускаться, но затем послышался плюх, мы покачнулись, и корабль закачался на волнах, как пробка.

На плаву!

– Ты в порядке, Брайан? – спросил Док. – Тебя как-то пошатывает.

– Подташнивает немного, – ответил Брайан. – В воде лодка выглядит какой-то совсем маленькой. Нам тут теперь жить?

– Маленькой? – переспросил дядя Док. – «Странник» – довольно-таки большой малыш.

– Наш маленький дом-островок, – сказала я.

Я отправила родителям открытку, в которой сказала, что отправилась в странствия на «Страннике».

Первое плавание

Глава 5 На плаву

Прошлой ночью, когда мы плыли под звёздами вдоль береговой линии Коннектикута, я подумала, что моё сердце выскочит из груди на небо. Над головой всё было бархатным и синечёрным, усыпанным жемчужинками-звёздами, и небо сливалось с мерцающим чёрным океаном. Запах моря, чувство ветра на лице и руках, хлопанье парусов – о, это было волшебство!

Мы действительно в пути! Море зовёт, зовёт: «Плыви, плыви!» – и мерное покачивание «Странника» напоминает мне о Бомпи – это же был Бомпи? – который держал меня на коленях, когда я была маленькой, и что-то шёпотом рассказывал.

Первый этап нашего путешествия – от пролива Лонг-Айленд к острову Блок, потом небольшой переход к Мартас-Винъярду, обходим Кейп-Код, идём вдоль северного побережья, добираемся до Новой Шотландии, а потом – наконец-то долгий переход до Ирландии и Англии, страны Бомпи! По расчётам дяди Дока, весь путь займёт где-то три-четыре недели, в зависимости от того, как надолго мы будем останавливаться на суше.

Коди тоже ведёт дневник, только зовёт его *жевник*. Когда я впервые услышала от него это слово, я переспросила:

– Имеешь в виду «дневник»?

Он ответил:

– Не, жевник. Дневник-жевник.

Он объяснил, что ведёт этот дневник-жевник только потому, что вынужден, для летнего проекта.

– Либо это, либо прочитайте пять книжек, – сказал он. – Решил, что будет легче вести дневник-жевник, чем читать кучу слов, написанных кем-то другим.

Дядя Док ведёт официальный судовой журнал, а перед ним располагаются аккуратные карты, на которых отмечается пройденный нами путь. Дядя Стю и Брайан сказали, что будут слишком заняты, «чтобы записывать интересные события», а когда я спросила дядю Мо, собирается ли он писать что-то о путешествии, тот зевнул.

– О, – сказал он, постучав себя по голове, – буду держать это здесь. И, может быть, сделаю пару эскизов.

– Нарисуете? Вы умеете рисовать?

– Не притворяйся, что удивилась, – сказал он.

Я на самом деле удивилась, потому что по нему трудно было сказать, что у него есть силы вообще хоть на что-нибудь.

У всех нас были ежедневные задания (из списка Брайана), и мы по очереди стояли на вахте, а дядя Стю предложил, чтобы каждый из нас чему-нибудь научил других.

– Например? – спросил Коди.

– Да чему угодно – навигации по инструментам, по звёздам...

– Так, ладно, – сказал Коди. – Вам легко говорить, а что, если мы ничего такого не знаем?

– Ты должен знать хоть что-то, чему можешь нас научить, – с усмешкой сказал дядя Стю.

– Может быть, жонглированию? – спросил Коди. – Я могу научить всех вас жонглировать.

– Жонглировать? – переспросил Брайан.

– Болван, – сказал отец Коди.

– Мне бы хотелось научиться жонглировать, – сказала я. – Полагаю, всё не так просто, как кажется.

– Для чего вообще нам нужно жонглирование? – спросил Брайан.

– Ну, если думаешь, что для тебя это слишком сложно... – начал Коди.

– Кто говорит о сложности? Я могу жонглировать. Просто как-то глупо учиться этому на лодке.

Я ещё не была уверена, чему могу научить других, но решила что-нибудь придумать. Придётся решить за сегодняшний вечер.

Погода сегодня идеальная – солнечная и тёплая, – течение направлено в нужную сторону, а ветер мягко подталкивает нас в сторону затянутых дымкой скал острова Блок. Я уже однажды бывала на острове Блок, но не помню с кем. С родителями и дедушкой? Помню, я ходила по вершине большого холма с яркими фиолетовыми и жёлтыми цветами и тощими деревцами, которые росли среди камней. А ещё я помню старый голубой пикап с шезлонгами в кузове, как мы ехали в нём по узким улочкам, а я смотрела на океан и пела: «О, вот и мы на острове Блок, в большом голубом пика-а-апе...»

Дедушка купил мне капитанскую фуражку, которую я носила каждый день. По вечерам мы ходили собирать ракушки, а с чердака я разглядывала самолёты.

И каждое лето после этого я хотела вернуться на остров Блок, но мы так туда и не добрались. Времени не было.

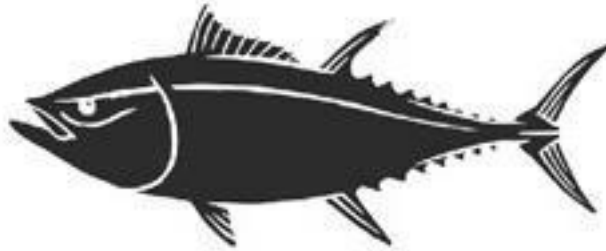
Я поняла, чему могу научить свою корабельную семью: пересказать им истории, которые Бомпи рассказывал мне.

Док и Коди только что выловили две рыбёшки, луфарей. Удача! Но мне не нравилось смотреть, как Коди отбивает и потрошит их. Впрочем, нам всем придётся этим заниматься. Это одно из правил. Я следующая на очереди, а я не хочу это делать.

Но утёсы острова Блок уже хорошо видны, луфари выпотрошены для обеда, а я голодна...

Глава 6

Улитки и бананы

У меня мозги уже скоро в бананы превратятся. Отец просто лежит, как улитка, не помогает никому, зато приказывает направо и налево. Софи повезло: её хотя бы родители не достают.

Дядя Стю сказал, что её взяли в путешествие только потому, что дядя Док пожалел сиротку. Да, вот так дядя Стю зовёт Софи – сироткой. Я хочу ему врезать, когда он так говорит.

Софи говорит про моих тётю и дядю, словно они её настоящие родители, хотя они удочерили её всего три года назад. Брайан говорит, что Софи живёт в мире снов, но, как по мне, это даже как-то круто. По крайней мере, она не сидит и не развешивает нюни из-за того, что она сирота.

Иногда я сам хочу стать сиротой, потому что мой отец – просто большой краб, а мама боится его и постоянно прячется в углу с печальным лицом.

Но, наверно, я не должен писать обо всём этом в дневнике-жевнике. Наверно, надо писать про путешествие и прочее всякое.

Оно началось. Ну, путешествие. Всё круто. Я думал, что мы застрянем на суше навсегда – Брайан каждый день придумывал всё новые списки. Этот парень очень любит составлять списки. И его отец тоже. Настоящая списочная команда.

Ничего не происходит, за исключением того, что лодка в самом деле плывёт, не даёт течи и не переворачивается. Пока.

Глава 7 Живность

Вчера вечером, когда «Странник» стал на якорь в гавани острова Блок, мы с Коди и Брайаном отправились на берег на шлюпке и прошлись по пляжу. Брайан очень беспокойный: осторожно подворачивает джинсы, чтобы они не намочили, отпрыгивает от накатывающихся волн и постоянно проверяет часы.

– Семь десять, – объявил он, а потом ещё через десять минут: – Семь двадцать, – и ещё через десять минут: – Семь тридцать.

– Слушай, прекрати уже, а? – сказал Коди. – Какая разница, сколько сейчас времени?

Брайан едва не споткнулся о камень, застрявший в песке, и отскочил от волны, разбившейся об этот камень.

– Нам нужно вернуться до темноты, – сказал он.

Коди посмотрел на солнце, висевшее в небе на западе.

– Знаешь, что? Мы и без часов сможем определить, когда начнёт темнеть!

– Ха, ха, ха, – сказал Брайан.

Навстречу нам шли две девушки.

– Эй, смотри-ка, живность! – сказал Коди Брайану.

– Где? Что?

– Тёлки, – сказал Коди, разглядывая девушек. – Тёлки.

Одна из представительниц «живности» встала перед Коди и мило улыбнулась ему.

– Эй, – сказала она.

– Эй, – ответил Коди.

– Ты, ну, это, не знаешь, сколько сейчас времени, а? – спросила она.

Её подруга покраснела и смахнула что-то с руки.

– Ха, ха, ха, – сказал Брайан, резко поднял свою кукольную руку и поднёс часы к лицу Коди. – Иногда часы бывают полезны, – добавил он.

Мы вернулись на «Странника» (до темноты, к облегчению Брайана) и провели ночь, стоя на якорю, потому что, по словам дяди Дока, нужно было ещё кое-что по мелочи подправить.

Сегодня опять солнце!

Я впервые поднялась на мачту в боцманской люльке, чтобы заменить лампочку в габаритном фонаре. Оттуда видно всё на много миль вокруг, до конца острова Блок и далеко-

далеко в океан: вода, ещё вода, небо и снова небо. И, поскольку на этих мачтах нет штагов, ты отлично ощущаешь все движения парусника и воды. Твоё лицо и волосы обдувает ветер, ты чувствуешь запах моря, и тебе кажется, что ты совершенно свободна.

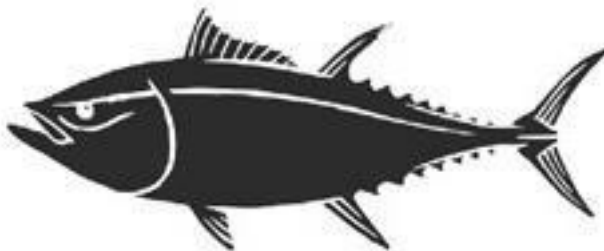
Позже, пока дядя Док чинил проводку, мы с Коди вернулись на берег и прошли по пляжу до маяка, а потом – до птичника. Коди увидел пушистого птенца и сказал: «Эй, птенчик. Эй, пуховый комочек», – что удивило меня, потому что обычно он красиво позирует, напрягая мускулы, и от него вовсе не ждёшь, что он будет таким нежным с маленькими птичками. Когда мы уходили, он сказал: «Пока-пока, птички».

Он забавный парнишка. То говорит о тёлках, а буквально через минуту болтает с птичками.

Путешествие едва началось, но всё уже кажется спокойным и естественным. Я надеваю то, что сухое и лежит ближе. Спать ложусь, когда уже готова упасть, а просыпаюсь, слыша разговоры в рубке. Впрочем, я жду не дождусь, когда же мы выйдем в открытый океан. Я хочу двигаться, идти под парусом там, где неважно, день сейчас или ночь, где всё время связано между собой. Я хочу поймать рыбу и сама себя прокормить в океане. Я надеюсь стать путешественницей, странницей, которая идёт под парусом к Бомпи!

Глава 8

Остолоп и сиротка

Вчера надо было куда-то деться от папы, так что я отправился вместе с Софи и Брайаном на остров. Брайан действует мне на нервы. Сначала он задал триллиард вопросов, правильно ли он оделся и надо ли взять куртку, а потом начал нас учить, как грести, как пришвартовывать шлюпку и всё такое. Дальше он, наверное, станет объяснять мне, как дышать.

Брайан ещё и Софи достаёт. Она сказала что-то насчёт того, что её маме не понравилось бы, что я называю девушек живностью и тёлками, а Брайан остановился и сказал, что её мамы тут нет, так что пусть молчит. А потом, чтобы ещё сильнее её достать, он добавил: «Ты вообще про какую маму говоришь?»

Софи, не мешкая, подняла камень и бросила его в воду.

– Посмотри! – сказала она. – Ты можешь кинуть так далеко?

Не знаю уж, не услышала она его или просто решила не обратить внимания.

Я сказал, чтобы он захлопнул пасть. Он ответил:

– Я не обязан, если не хочу.

Вот остолоп.

Сегодня мы с Софи сбежали без Брайана и вернулись на остров. С Софи как-то легче, чем со всеми остальными на лодке. Она всегда глубоко дышит, улыбается ветру, солнцу и волнам. Она не лезет к тебе со всякой ерундой.

Впрочем, я тоже чуть не прокололся. Мы нашли маленького птенчика, который копошился один в кустах, и я сказал: «Эй, это сиротка!» Софи ответила: «А вот и нет», – взяла его на руки, и мы отнесли его в гнездо.

Я жалею, что заговорил про сиротку.

Ещё Софи сегодня поднималась в боцманской люльке. Дядя Док стоял на палубе, смотрел на фонарь на вершине мачты и думал, как бы его заменить.

– Хотите, я поднимусь? – спросила Софи.

– Может быть, это должен сделать Брайан? – ответил он. – Брайан? Поднимись-ка в боцманской люльке и замени лампочку, хорошо?

– Ни за что! – сказал Брайан и как-то сразу позеленел. Мачта очень, очень высокая.

– Коди! Может быть, ты?

– Не, не думаю, – сказал я.

Ну, мне в самом деле не хотелось. Не люблю высоту.

Софи сказала:

– Послушайте! Я самая маленькая и лёгкая. Поднимите меня. Я с удовольствием поднимусь!

– Я просто не хочу, чтобы ты поранилась, вот и всё, – сказал дядя Док.

Полагаю, это значило, что против того, чтобы поранились мы с Брайаном, он не возражает. Вот блин.

Софи сказала:

– Эй! Вы что, собираетесь так со мной обращаться всё путешествие? Вы мне вообще ничего не разрешите делать?

В общем, дядя Док с неохотой разрешил ей подняться, и видели бы вы её! Она смеялась и кричала «Уи-и-и!» Она забралась туда очень быстро, заменила лампочку и сказала:

– Дайте мне ещё тут покачаться, хорошо? Тут так здорово!

– Надеюсь, она там не поломается, – сказал дядя Док.

Вчера вечером нам всем надо было решить, кто чему всех будет учить во время путешествия. Одна из замечательных идей дяди Стю. Дядя Док учит нас читать карты, Брайан – курсам относительно ветра (что бы это ни значило), дядя Стю – как пользоваться секстантом, измерительным инструментом, мой папа – радиосигналам или ещё чему-то такому, а я – жонглированию. Кое-кто был недоволен, что я взялся учить их всяким «глупостям» типа жонглирования. Но мне всё равно. Жонглировать – круто.

А вот когда Софи сказала, чему собирается учить, всё стало как-то совсем странно. Она сказала, что будет пересказывать нам истории Бомпи.

– Откуда ты знаешь истории Бомпи? – спросил Брайан.

– Он сам их мне рассказал.

Никто не сказал ни слова.

Позже Брайан спросил меня:

– Что она вообще несёт? Она же даже никогда не встречалась с Бомпи!

– Оставь её в покое, – ответил я.

Глава 9

Обезглавливание

Мы отплыли от острова Блок рано утром; нас ждал шестнадцатичасовой переход. Все были на палубе, когда мы направились к острову Маргас-Винъярд.

– Ахой! На взлёт! – громко закричал Коди.

Коди нравилось действовать на нервы отцу, перемешивая морскую терминологию с тем, что придёт в голову, причём он часто путал морские термины, или применял их в ненужное время, или вообще валил всё в кучу. «Рифуй штурвал, тяни, отплываем!» Дядя Мо всякий раз скрежетал зубами, когда Коди так делал. Брайану и дяде Стю шутки Коди тоже не казались смешными, но дядя Док, похоже, не возражал, а мне они нравились. Я тогда меньше волновалась из-за того, что могу сделать что-то неправильно.

– Поднять мачту, расправить гик! – кричал Коди.

– Хватит уже, – сказал Брайан. – Возможно, когда-нибудь от твоей команды будут зависеть наши жизни, но ты либо ошибёшься, как обычно, либо на тебя не обратят внимания, потому что ты постоянно несёшь чушь.

– Ой, да не ворчи, Брайан, – сказал Коди. – Рифуй паруса.

Ветер и течение весь день были с нами, равно как и рыба. Мы поймали семь луфарей, но два от нас ускользнули. Я убила (убила!), обезглавила (обезглавила!) и выпотрошила (выпотрошила!) первых двух, за мной следили дядя Стю и Брайан. Они словно ждали, что я струшу или устрою полный беспорядок.

– Прибей его сначала, – инструктировал меня дядя Стю. – Бей прямо между глаз.

– Ударь его рукояткой лебёдки, – сказал Брайан.

– Бей лебедей! – крикнул Коди.

– Не лебедей, идиот, – сказал Брайан. – Лебёдку. И она не бьёт лебёдку, она бьёт рыбу лебёдкой.

– Да не бухти, приятель, не бухти! – сказал Коди.

Я взяла рукоятку лебёдки и прибила бедную, беспомощную, беззащитную рыбу.

– Главное, – сказал Брайан, – убить их как можно быстрее.

Мне очень не хотелось убивать рыбу. Я всё напоминала себе, что ела мясо и рыбу всю жизнь и никогда об этом даже не задумывалась.

– Думаешь, он умер? – спросила я.

– Нет, – сказал Брайан. – Отрежь ему голову.

– Казни его! – крикнул Коди. – Голову ему долой!

Я наполовину отрезала голову рыбы и подумала: «Хорошо, Софи, хорошо, он ничего не чувствует». А потом, едва я приступила к другой стороне, рыба начала биться и метаться.

– Давай быстрее, – сказал дядя Стю.

– Ага, поторапливайся.

Самое сложное, как я теперь знала, – это не забивание, не кровь, не кишки и не перерезание горла. Самое сложное – сломать позвоночник. У меня от этого сердце начинает прыгать в груди. Когда мои пальцы обхватывают позвоночник – эту линию жизни – и поворачивают голову влево или вправо, я чувствую мощное выделение чего-то – давления, напряжения, энергии, может быть, чистой жизненной силы – в те две-три секунды, что нужны для того, чтобы сломать позвоночник. Куда девается эта сила?

Мы шли просто отлично и пришвартовались к гавани Винъярд на острове Мартас-Винъярд всего через восемь часов – вдвое быстрее, чем рассчитывали.

– Мы путешественники! – крикнула я, увидев землю.

– Земля, аваст, абаст и агаст! – закричал Коди.

Здесь мы остановились в основном для того, чтобы навестить друга дяди Дока по имени Джоуи, который последние пять лет восстанавливал старую деревянную лодку, найденную в болоте. Лодка Джоуи просто безупречна, полностью сделана из тикового дерева – и снаружи, и изнутри, – а линии очень плавные.

Я всё гладила это прекрасное дерево, пока дядя Док не сказал:

– Ну, она, конечно, красотка, но моя любовь – всё равно «Странник».

Наверное, он немного ревновал из-за того, что я так суежилась вокруг лодки Джоуи.

– Я тоже считаю «Странника» красивым, Док, – сказала я. – И если бы мне пришлось выбирать, на каком судне пуститься через океан, я бы выбрала «Странника».

– Ага, – ответил он. – И я тоже.

Джоуи пригласил нас к себе домой на ужин. Было так странно оказаться в доме. Столько места потрачено впустую! Там можно столько всего разместить! На корабле есть место для всего, а всё очень компактное и маленькое, и на борту нет ничего ненужного. Для мусора просто нет места.

После ужина мы с Коди сидели на пирсе, и тут подошёл Брайан и сказал:

– Что-то не так.

– Ты о чём? – спросил Коди.

Брайан пнул дощатую дорожку.

– Док и Джоуи сидели на кухне и болтали, а я зашёл, чтобы попить водички, и они тут же замолчали. Как думаете, они обо мне говорили?

– Не льсти себе, – ответил Коди.

– Ну, а о чём они тогда говорили? Что у них за большой секрет?

– А мне откуда знать? – спросил Коди.

– Иногда людям нужны свои тайны, – сказала я.

– Нужно знать, – сказал Брайан.

Брайан очень похож на дятла – тук-тук-тук, любого добьёт. Я очень обрадовалась, вернувшись на лодку; вытащив спальный мешок на палубу, я села и стала писать.

Дядя Стю вынес свой спальный мешок на пирс.

– В чём дело? – спросил его Коди. – У вас морская болезнь?

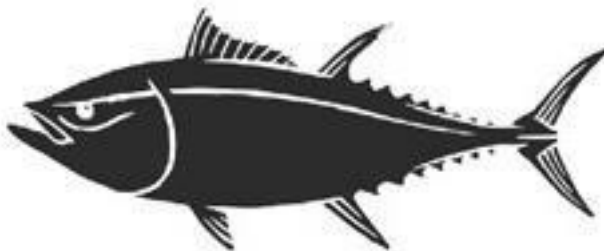
– У меня не бывает морской болезни, – рявкнул дядя Стю. – Мне просто нравится спать на пирсе.

– Ну да, ну да, – сказал Коди.

Скоро я уже перестану писать, а потом усну под звёздным небом, слушая, как в гавани звенят цепи. Мне очень нравится, как лодка укачивает тебя, как малыша в колыбели.

Глава 10

Ахой!

Ахой! Мне начинает нравиться ходить под парусом. Мы в самом деле плывём! Блин! А ещё мне не приходится стоять на вахте с папой, и это круто. Никто меня не достаёт, кроме Брайана, но его легче игнорировать, чем моего папу.

Софи просто обалденно ловит рыбу. Я никогда ещё не видел, чтобы человека так радовали настолько простые вещи. Правда, я думал, что её вырвет, когда она разделывала свою первую рыбу. Она всё повторяла: «Она живая! Ей больно! Она страдает!» А потом, когда мой папа пожарил рыбу, Софи сказала, что не голодна.

Папа никак от меня не отвяжется. Всё пытается меня отговорить от жонглирования.

Он сказал:

– Ты что, вообще не знаешь, чему ещё можешь нас научить?

Я ответил:

– Нет.

Глава 11

Жонглирование

На «Страннике» снова работа. Я доделала Трюмовый Ящик Бадди, фибергласовое чудо, и хорошенько его просмолила, чтобы ничего не протекало.

Дядя Док сказал:

– Ты хорошо поработала над Трюмовым Бадди, ага.

Я надеялась, что он похвалит мою работу и другим, но вместо этого он сказал:

– Пора нам выдвигаться. Тут слишком много лодкомерства.

– Чего-чего? – переспросила я.

– Ну, ты же знаешь: моя лодка лучше твоей лодки, моя лодка больше твоей лодки, всё такое. Лодкомерство.

По-моему, его немного нервировало состояние «Странника». Я не замечала, как странно выглядит наша лодка, пока не увидела другие суда в здешней гавани. Они блестели! Люди на них были одеты в аккуратную одинаковую одежду и протирали всё, до чего дотянутся. Ничего не валялось где попало.

А вот «Странник» был весь перепачкан шпаклёвкой – остались даже белые следы на палубе в том месте, где в неё кто-то наступил; наша одежда висела прямо на такелаже – мы так надеялись её высушить; палуба была завалена горшками и кастрюлями, потому что мы вытащили их наверх, чтобы отчистить; наконец, одеты мы были в обычные грязные шорты, футболки и банданы.

– Пора выдвигаться, – проворчал Док.

– Ну, тогда ахой! – сказал Коди. – Гикнуть якорь!

Дядя Мо расслаблялся на палубе.

– Коди, – протянул он, – прекрати уже.

– Прекратить якорь! – крикнул Коди.

– Иди, помоги Брайану с картами, – сказал дядя Мо. – Сделай хоть что-нибудь полезное.

Коди вместо этого прыгнул в воду:

– Человек за бортом! Буль-буль-буль.

Не смеяться над Коди было трудно, но я иногда всё-таки задумываюсь, есть ли у него в голове хоть какие-то мозги и думает ли он хоть над чем-нибудь серьёзным, и даже начинаю понимать, насколько может оказаться неприятно быть с ним целых три недели на нашем маленьком островке-паруснике.

Сегодня Брайан попытался просветить нас в терминах, касающихся того, какой курс бывает у ветра. Большинство из нас уже знали эти определения, но если бы мы их не знали, то от Брайана точно ничему бы не научились. Он пустился в сложные объяснения о том, как ветер связан с парусами и направлением движения.

– В общем, когда ветер дует спереди, – лекторским тоном говорил Брайан, – это называется бейдевинд...

– Бей-винд? Вот так его бить, да? – Коди постучал себя кулаками в грудь.

Брайан проигнорировал его.

– А когда ветер дует сбоку, это называется галфвинд...

– Гольф-винд? Типа вот так? – Коди замахнулся, словно собирался бить мячик клюшкой для гольфа.

– Да хватит, Коди. А когда ветер дует за кормой...

– Что такое «закорма»? – спросил Коди.

– Ты что, даже этого не знаешь? – закричал Брайан. – За кормой – это вон там, в задней части лодки. Если ты не будешь относиться к этому серьезно... – предупредил Брайан.

– Я не понимаю, зачем нам знать все эти термины. Ну, какая разница, бей-винд у нас сейчас или гольф-винд? Нам же надо только знать, как что делать, правильно, а не как это называется?

Брайан сказал:

– А ты что, знаешь, как что делать? Ты знаешь, откуда идёт ветер и что делать с парусами, если ветер, скажем, позади тебя?

– Зачем мне это знать? – спросил Коди. – Все остальные, похоже, знают, и все постоянно что-то кричат и приказывают, а я делаю то, что мне говорят. Я могу тащить канат так же хорошо, как и кто угодно другой.

– Хе, – только и сказал Брайан.

Позже нас ждал первый урок жонглирования от Коди. Я решила, что он очень хороший учитель, потому что он начал с очень простого – подбрасывания одного предмета. Мы практиковались с упаковкой с крендельками.

– Глупости какие-то, – сказал Брайан.

Дядя Мо стоял на вахте, но даже он обернулся и пробормотал:

– Жонглирование. Дожили.

Потом Коди попросил нас подбрасывать по два пакета крендельков, один из каждой руки. Это тоже оказалось просто. Но вот когда пакетов стало три, мы все вдруг стали ужасно неуклюжими. Крендельки улетали за борт.

– Всё дело в движении рук, – сказал Коди. – Найдите ритм.

– Это всё очень глупо, – ответил Брайан.

– Может, помочь тебе с координацией, – сказал Коди.

– А что не так с моей координацией?

После этого разговор стал совсем неприятный, и урок жонглирования пришлось прервать.

Брайан и дядя Док просматривают карты и пытаются поймать по радио прогноз погоды. Завтра мы отплываем к Новой Шотландии – первый океанский переход, который займет у нас три-четыре дня, и мы вообще не будем видеть суши. Никакой суши! Я даже представить себе этого не могу; каково это – видеть только океан, океан во всех направлениях.

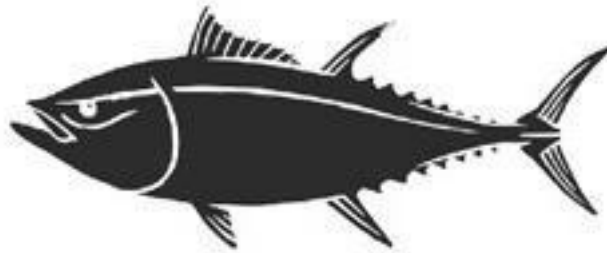
– Это будет наша первая большая обкатка, ага, – сказал дядя Док.

Дядя Стю забарабанил пальцами по столу.

– Прогноз погоды не очень хороший.

– А-а-а, да что такого в небольшой непогоде? – спросил дядя Мо.

Глава 12 Бла-бла-бла

Дурацкий день.

Глупый Брайан разводил своё бла-бла-бла про курсы относительно ветра, словно знает всё обо всём.

Он уж точно не знает, как жонглировать.

Сегодня утром Брайан сказал мне:

– Тебе Софи нравится больше, чем я, да?

Я ответил:

– Угу.

Ну. Это правда, в конце концов.

Завтра Софи расскажет первую историю от Бомпи. Вот это будет интересно.

Глава 13 Обкатка

Я уже не очень уверена, какой сегодня день. Вахты сильно исказили моё чувство времени.

В первые пару дней мы на вахте стояли по двое (я в паре с дядей Доком), и они длились четыре часа, потом мы восемь часов отдыхали и ещё четыре часа дежурили. Четыре часа – это много, особенно когда уже темно и все твои мышцы напряжены, ты прислушиваешься и присматриваешься. Остальные спят, и ты знаешь, что только вы двое всех охраняете.

Здесь нет дня, ночи, а потом опять нового дня. Вместо этого есть перепады света и тьмы, которые периодически соединяются и меняются. Перед тобой и вокруг тебя словно разворачивается долгий, непрерывный поток времени. Нет ни вчера, ни позавчера, что странно, – что же тогда такое завтра? Что такое на прошлой неделе или в прошлом году? А если нет ни вчера, ни прошлого года, ни десяти лет назад, значит, всё – одно большое сейчас, настоящее.

Я очень странно себя чувствую, словно могу сказать «Мне четыре года», и мне действительно станет четыре. Но такого же не может быть на самом деле. Или может?

Мы шли через залив Мэн в сторону острова Гран-Манан в заливе Фанди, чуть к западу от Новой Шотландии. Дядя Док называет ветер «капризной дамой», потому что он приходит порывами и припадками. Вчера (мне всё-таки приходится пользоваться словами типа вчера, потому что не знаю, как ещё говорить о вещах, которые произошли ранее) дядя Док прочитал стишок о том, как туман подкрадывается на мягких кошачьих лапках, и, как только он так сказал, именно это я и увидела, взглянув в серую дымку: сотни маленьких кошачьих лапок, которые шли тихо-тихо. Позже, когда туман накрыл нас более тёмными, плотными клубами, я представила, как в нашу сторону идут большие тигриные лапы – мягкие, мохнатые, грациозные тигриные лапы.

На вахте, когда я всматривалась в туман, мне вдруг стало печально и одиноко, и вдруг я расхотела покинуть берега Северной Америки и отправляться в плавание по океану, отходить так далеко от земли. Но времени печалиться у меня почти не было, потому что с севера налетел ветер, а это означало, что нам придётся делать поворот оверштаг и терпеть качку. Волны были огромными, высотой шесть-восемь футов; по крайней мере, мне они казались огромными, но дядя Стю назвал их маленькими.

– Боишься, Софи? – спросил дядя Стю.

Мне показалось, что он надеется, что я боюсь, так что я ответила:

– Нет, нисколечко. Вообще не боюсь.
На самом деле я боялась, но не хотела, чтобы он об этом знал.

В трюме царил хаос. Была наша с Коди очередь готовить обед, и еда расплескалась по всему полу.

– Следить за бизань-кастрюлей! Поднять сплетницу! – крикнул Коди, когда горячее варево выплеснулось сбоку.

– Коди, ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзен? – спросила я.

Он бросил ракушку прямо в суп и сказал:

– О нет. Рано или поздно у меня это спрашивают все.

Похоже, это щекотливая тема.

У «Странника» во время обкатки обнаружили несколько проблем: протечки в кормовой рубке и вода в трюме. Мы потратили немало времени, ползая по полу в поисках проблемных мест и пытаясь их исправить. Пока что нам удалось заткнуть все щели. Не нужно беспокоиться, если знаешь, что за час-другой сможешь добраться до суши или находишься в судоходном районе и легко сможешь вызвать помощь, но что нам делать, если мы отойдём от Новой Шотландии и обнаружим большую течь?

Не хочу об этом думать. Я лучше буду думать о хороших знаменьях: нас три раза посетили дельфины! Они появляются группами по четыре-пять и плывут рядом с парусником. Обычно они появляются, когда мы плывём быстро, словно соревнуясь с нами. Они играют возле носа, носясь взад-вперёд прямо под водой, в дюймах от обшивки.

Они самые грациозные создания из всех, что я видела, – скользят под водой без всяких видимых усилий, а потом поднимаются на поверхность, выставляя над водой плавники и спины.

Коди называет их дорогушами:

– Эй, дельфины-дорогуши! Сюда!

Мне всегда становится немного печально, когда они уплывают, и Коди восклицает:

– Пока-пока, дельфины-дорогуши! Пока!

Мы изменили вахтенный график, чтобы в тумане дежурили сразу трое (с нами теперь Коди). Я закуталась в одежду для плохой погоды и смотрю, как впереди нас восходит солнце, а сзади заходит луна. Я устала, промокла и очень хочу в душ, но я в раю.

Я каждый день узнаю так много, и чем больше я узнаю, тем больше понимаю, сколько же всего нужно знать о плавании под парусом, и о воде, и о навигации, и о погоде. Сегодня дядя Стю учил нас читать показания секстанта. Это сложнее, чем я предполагала, и дядя Стю с Брайаном ругали меня и Коди, говоря, что мы не сможем работать в полную силу, если не знаем, как это делается, потому что их жизни могут зависеть от нас двоих.

– Тогда вам лучше надеяться, что ваши жизни не будут зависеть от нас с Софи, – пошутил Коди.

Дядя Стю разозлился:

– Не всё в мире смешно, Коди, и когда ты будешь посреди океана, ты будешь молиться, что если что-нибудь случится, все на борту этой посуды смогут спасти тебе жизнь. По самой меньшей мере ты должен сделать то же самое для нас.

– Да-да-да, я понял, – сказал Коди и спустился в трюм.

На этот раз, похоже, слова Коди не понравились даже дяде Доку.

– Надеюсь, этот мальчишка отнесётся серьёзно хоть к чему-нибудь, – сказал он.

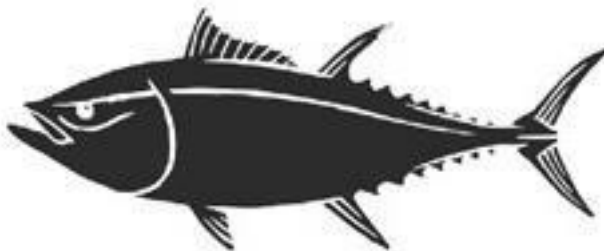
Вчера (или в полдень? или утром? или на день раньше?) мне приснилось, как мы дрейфуем в океане без пищи и все лежим на палубе, у нас нет сил ничего делать, а парусник бросает туда и сюда, а потом у нас над головами пролетела чайка и приземлилась на рею, и Брайан сказал:

– Убей её! Убей её!

Сейчас примерно два часа дня, и солнце светит сквозь облака, а мы где-то в тридцати шести милях от Гран-Манана. Надеюсь, мы доберемся туда до темноты. Сейчас моя вахта, так что пора заняться делом.

Глава 14

Бомпи и машина

Сегодня я слышал, как Брайан спросил дядю Стю, что случилось с настоящими родителями Софи.

Дядя Стю ответил:

– Не знаю.

– Почему ты не знаешь? – спросил Брайан.

Дядя Стю пожал плечами:

– Никто мне никогда ничего не рассказывает.

Тогда я спросил своего отца, что случилось с настоящими родителями Софи, и он ответил:

– Расскажу тебе когда-нибудь.

– Расскажи сейчас.

– Ну уж нет.

На меня наорали за то, что я не понимаю всей этой навигационной тарабарщины. Наорали за то, что я слишком много шучу. Наорали за то, что я дышу. Ну, почти.

Софи сегодня рассказала первую историю про Бомпи. Как-то так она звучала:

Когда Бомпи был молод, он жил на ферме, и его семья была очень бедной. У них даже не было ни машины, ни грузовика. Но однажды они обменяли двух мулов на машину. Проблема была только одна: никто не умел водить. Бомпи, правда, ездил в машинах и считал, что водить машину тоже несложно. В общем, Бомпи вызвался поехать в город, забрать машину и приехать на ней домой.

Шёл дождь, дождь, дождь.

(Вы бы слышали, как Софи рассказывает истории. Она по-настоящему проникается. Прямо чувствуешь капли дождя на голове, когда она рассказывает. Даже запах чувствуешь. Это что-то.)

В общем, Бомпи поехал за машиной, а там дождь, дождь, дождь. Он поехал назад и добрался до места, где надо пересечь речку. Там ни моста, ничего. Когда они ходили по этой дороге пешком или ездили на мулах, они спокойно перебирались через неё вброд.

Бомпи въехал на машине в речку, но течение было таким, таким быстрым, словно на него несётся целая стена воды, и Бомпи закричал: «Но! Но!» Но машина его не послушалась, стена воды перевернула машину, Бомпи насилу выбрался, а новую машину унесло вниз по течению.

Когда Бомпи наконец добрался домой, отец отстегал его ремнём, а мама дала ему яблочного пирога.

– Зачем она дала ему яблочный пирог? – спросил Брайан у Софи.

– Потому что была рада, что он сам остался жив, вот почему, – сказала Софи.

– Откуда ты вообще знаешь эту историю? – спросил Брайан.

– Помолчи, Брайан, – сказал дядя Док.

Но Софи ответила:

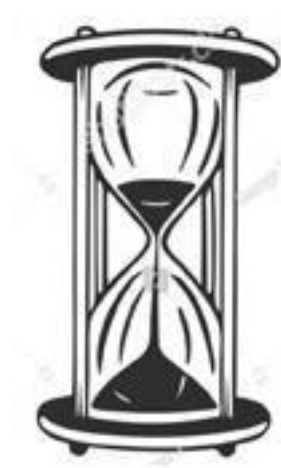
– Потому что Бомпи сам мне её рассказал, вот откуда.

Было видно, что Брайан хочет сказать что-то ещё, но он промолчал. Никто ничего не сказал.

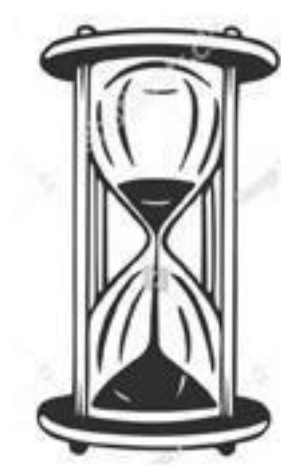
А я сидел и думал о том, как Бомпи выбрался из машины и как мама угостила его яблочным пирогом.

Сегодня Софи и дядя Док жонглировали тремя пакетиками крендельков целых две минуты! Они так радовались. Да и я тоже рад. Я настоящий учитель!

Остров

Глава 15 Гран-Манан

Мы добрались до Тюленьей бухты на Гран-Манане на закате (это было вчера, правильно?), и всё небо было в розовых и лавандовых полосах. Настоящий рай!

По-моему, у дяди Дока везде есть знакомые. На пути в Тюленью бухту Док связался по радио с берегом, и человек с берега позвонил другу Дока по имени Фрэнк, а когда мы добрались до бухты, Фрэнк уже ждал, чтобы провести нас туда. Бухта прячется за огромной дамбой, словно в крепости, и «Странник» был единственным парусником в гавани, полной рыбацких судов, стоявших в три-четыре ряда, – больше всего это напоминало парковку в большом городе. Фрэнк посадил нас всех в свой фургончик и отвёз к себе домой, в нескольких кварталах от порта, и мы познакомились с его семьёй и ходили, шатаясь, словно клоуны с головокружением, на наших неустойчивых моряцких ногах.

Я здесь по-настоящему заинтересовалась рыбой и рыбалкой. Тут не захочешь – заинтересуешься, потому что все, кто здесь живет, как-то связаны с рыбой. Они ловят омаров, или сайду, или сельдей, или работают на фабриках, где консервируют сардин и селёдку. Рыба, рыба повсюду!

Сегодня мы все отправились ловить омаров с Фрэнком на его рыбацкой лодке «Форт-Фрэнк». Он купил остов судна, а всё остальное сделал сам. Мне очень нравится, когда люди делают такое – берут что-то полуразрушенное и превращают его в нечто восхитительное!

Брайану такое не нравится. Он сказал:

– Софи, не восторгайся ты так. Это же просто корабль.

Просто корабль! Да чтобы облазить этот корабль сверху донизу, уйдёт не один месяц. Там целые вёдра приманки, контейнеры, полные омаров, верёвки, которыми обвязывают клешни, шланги, сети и прочие штуки, покрытые рыбьим жиром и водорослями. Может быть, когда-нибудь я и сама стану ловцом омаров, кто знает?

Коди спросил:

– Почему тебе всё это нравится, Софи?

– А что, тебе не нравится? – ответила я. – Тебе разве не нравится представлять, какой бы была твоя жизнь, если бы ты стал, скажем, рыбаком? Целыми днями чувствовать запах моря...

– И запах рыбы, – сказал он. – От запаха рыбы тебя может стошнить.

– Или ты решишь, что это лучший запах, что ты когда-либо чувствовал. Тебе понравится целый день быть на свежем воздухе, работать с рыбой и...

– Ладно, Софи, – сказал он. – Если тебе это нравится – пусть.

Некоторые горшки, которые мы подняли, оказались пустыми, а от приманки остался лишь целый и невредимый снежно-белый скелет селёдки.

– Куда она делась? – спросила я.

– Морские блохи, – сказал Фрэнк. – Они повсюду, малюсенькие такие, почти невидимые. Они обожают нашу приманку. Если ты упадёшь за борт, а спасать тебя приплывут только на следующий день, морские блохи тебя сожрут, и твой скелет опустится на дно!

Коди поднял меня и перевесил за борт.

– Хочешь попробовать? – спросил он.

– Не смешно, Коди, – сказала я.

Мне не очень-то нравилось представлять, как морские блохи обгладывают меня до костей.

Одна омариха несла на себе яйца – миллионы оранжевых зёрнышек (Фрэнк назвал их «икрой»), которые тянулись от нижней части хвоста прямо до головы.

– Эту красавицу мы вернём обратно, – сказал Фрэнк, бросая её за борт. – Чтобы продолжить цикл.

И у меня возникло странное чувство, когда я задумалась, почему, когда в океан бросают омара, это его спасает, а если бросить в океан меня, мне настанет конец.

Вчера вечером я позвонила домой. Мама задала мне два миллиона вопросов: «Как ты себя чувствуешь? Морской болезни нет? Не мёрзнешь? Всё нормально? Не боишься? Не одиноко?» Потом трубку наконец взял папа и сказал: «Какое приключение! Какое невероятное приключение!»

Мне было хорошо, пока я не поговорила с ними. Из-за разговора с мамой мне стало беспокойно, словно она ожидала, что произойдёт что-то ужасное. Я говорила ей, что всё в порядке и не надо беспокоиться, но когда пришло время прощаться, я с трудом смогла это выговорить. Прощание казалось слишком бесповоротным. Так что мне пришлось сказать: «Пока-пока, ещё увидимся», – и я всё повторяла «ещё увидимся», пока она тоже это не сказала, и тогда мне уже стало лучше.

Ещё мама сказала, что она звонила Бомпи, чтобы рассказать о нашем плавании, и он «был какой-то загадочный».

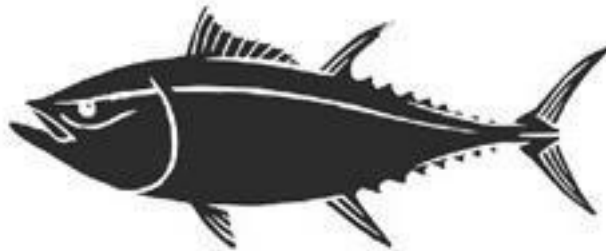
– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Он поначалу не узнал меня и всё называл меня Маргарет.

- Маргарет? Кто это?
- Бабушка. Моя мама. Его жена. Я очень испугалась, но потом он вдруг заговорил нормально и сказал, что с ним всё в порядке, он просто шутит и с нетерпением ждёт твоего визита.
- Ну хорошо, – сказала я. – Это же хорошо, верно?
- Да, это хорошо, – согласилась она.

Глава 16

Опять на берегу

Мы в этом путешествии куда больше времени проводим на суше, чем в море. Словно дядя Док на самом деле не очень-то и хочет отправляться в путь. По-моему, во всех этих остановках есть что-то странное. Может быть, с лодкой что-то очень серьёзно не так, а об этом знает только дядя Док.

Сегодня я спросил дядю Дока, знает ли он, что случилось с родителями Софи.

– Ничего, – ответил он. – Они вернулись в Кентукки...

– Не с этими родителями, – сказал я. – С её настоящими родителями.

– А, – сказал он.

– Вы знаете, что с ними произошло?

– Ага, – сказал он.

– А мне расскажете? – спросил я.

– Нет, – сказал он.

– Почему нет?

– Нехорошая история, – сказал он.

Глава 17 Традиция

Вчера жена Фрэнка сказала мне:

– Ты такая смелая, что отправилась в плавание.

И:

– Ты такая смелая – путешествуешь со всеми этими мужчинами!

Ещё она спросила, дают ли мне по-настоящему управляться с парусами.

– С этим трудности, – сказала я. – Они не очень хотят...

– Я так и думала, что ты будешь только готовить и убирать.

– Ну уж нет! – сказала я. – Это работа Коди!

На самом деле это не была работа Коди. Мы все должны работать по очереди, хотя Брайан обычно отлынивает, а Коди действительно это нравится больше, чем всем остальным. Когда Фрэнк с женой побывали на «Страннике» и увидели, как Коди моет посуду и драит палубу, Фрэнк сказал:

– Из тебя получится отличная жена, – и прозвал Коди «мистер Мама».

Коди, похоже, нисколько не обиделся и обратил всё в шутку.

– Мистер Мама к вашим услугам! – сказал он, принеся им немного сыра и печенья, а потом: – Осторожно! Мистер Мама будет мыть пол под вашими ногами!

В такие моменты мне очень хотелось иметь такое же чувство юмора, как у Коди. Я очень злюсь, когда люди удивляются, что я умею пользоваться электроинструментами, или подниматься на мачту, или работать с фиброглассом, или когда меня хотят назначить коком. Я обычно говорю в ответ что-то нахальное и грубое, но мне надо больше подражать Коди. Если сам рассмеёшься, над тобой уже не смогут дальше подшучивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.